

I Мальчик

Гном

Воскресенье, 20 марта

Жил однажды мальчик лет четырнадцати, худенький, долговязый, с белобрсым чубом. Это был маленький бездельник, который только и знал, что есть, спать да озорничать.

Однажды воскресным утром родители мальчика собирались идти в церковь. Сам же он, полуодетый, в рубашке без курточки, сидел на краю стола и думал о том, как это здорово, что родители уходят со двора и он хоть на пару часов останется сам себе хозяином.

«Теперь, по крайней мере, никто не запретит мне снять со стены отцово ружьё и стрельнуть из него разок-другой», — думал он.

Но отец как будто угадал его мысли. Уходя, он вдруг задержался на пороге и, обернувшись к сыну, сказал:

— Раз уж ты с нами идти не хочешь, то хотя бы почитай дома книгу проповедей. Обещаешь?

— Ладно, — буркнул мальчик, — обещаю.

А про себя решил, что прочтёт самое большое страничку-другую.

Услыхав его обещание, мать радостно встрепенулась. Мальчик и не ожидал от неё такой прыти. Мигом очутилась она у полки с книгами, сняла с неё сборник проповедей, открыла его в нужном месте и положила на стол. Потом она подтащила к столу большое кресло, купленное в прошлом году на дешёвой распродаже. Обычно в это кресло никому, кроме отца, садиться не позволялось.

«И чего это она так старается?» — думал мальчик, следя за её приготовлениями. Ведь он и прочтёт-то от силы две-три страницы.

Но отец и тут словно видел его насквозь. Он подошёл к мальчику и строгим голосом сказал:

— Гляди же прочитай всё что положено. Я проверю тебя, когда вернусь. И ежели ты хоть строчку пропустишь — пеняй на себя!

— Тут всего четырнадцать с половиной страниц, — вмешалась мать, — так что принимайся за дело немедленно, если хочешь управиться в срок.

Наконец родители ушли. Мальчик стоял в дверях дома и, глядя им вслед, с досадой думал о том, что его поймали на слове и теперь придётся всё утро корпеть над книгой.

— Идут небось и рады-радешеньки, что так ловко всё подстроили, — сказал он.

Но мать и отец вовсе не радовались, а наоборот, уходили из дому с тяжёлым сердцем. Это были бедняки-арендаторы, обрабатывавшие жалкий клочок земли. Когда они взяли в аренду эту усадьбу, у них только и было добра что поросёнок да пара кур. Но они трудились не покладая рук от зари до зари, и теперь у них в хозяйстве появились и коровы, и гуси.

Мало-помалу дела у них пошли на лад. Им бы и впрямь радоваться в это погожее весеннее утро, но мысли о сыне отравляли им всю радость. Отец сетовал на то, что мальчишка растёт бездельником и лоботрясом. В школе он учился из рук вон плохо,

и пришлось отдать его в соседнюю деревню гусей пасти. Мать же больше удручало то, что сын у них бессердечный грубиян, что он мучит животных и дерзит старшим.

— Дай-то бог, чтобы нрав его переменялся к лучшему, не то он станет в тягость и себе, и нам, — вздохнула она.

Мальчик долго стоял на пороге дома, раздумывая над тем, стоит ли ему приниматься за чтение. Но в конце концов он всё же решил на сей раз не перечить родителям. Он вернулся в дом, сел в отцовское кресло и принялся читать вслух, вполголоса бубня слова. Скоро это монотонное бормотание нагнало на него сон, и он стал клевать носом.

А погода в это утро стояла великолепная. Было ещё только двадцатое марта, но приход¹ Вестра Вемменхёг, в котором жил мальчик, находился в Сконе, самой южной области Швеции, и тут весна давно вступила в свои права. Деревья ещё не оделись листвою, но на них уже стали распускаться почки. Канавы наполнились водой, а по краям их запестрели цветы мать-и-мачехи. Ползучие растения, покрывавшие каменную ограду, побурели и отливали глянцевым блеском. Буковый лес вдаль, казалось, становился гуще и пышнее с каждой минутой. Небо сделалось как будто выше и было залито яркой синевою. Дверь дома оставалась приоткрытой, и сюда доносилось пение жаворонков. По двору расхаживали куры и гуси, а коровы в хлеву, куда тоже залетал весенний ветерок, время от времени издавали радостное мычание.

Мальчик читал, клевал носом и боролся с дремотой.

«Спать мне никак нельзя, — думал он, — не то мне и за полдня с этим не управиться».

Но он всё-таки заснул.

Неизвестно, сколько бы он проспал, но тут его разбудил какой-то шорох за спиной.

---

¹ Приходом называлась в Швеции самая маленькая административная единица, это была деревня или несколько деревень, жители которых посещали одну церковь. Вестра Вемменхёг — исторический приход, был частью округа Вемменхёг.

На подоконнике прямо перед мальчиком стояло небольшое зеркальце, в котором отражалась почти вся комната. Подняв голову, он случайно глянул в это зеркальце и вдруг заметил, что крышка материна сундука распахнута настежь.

Дело в том, что у матери был тяжеленный кованый сундук из дуба. Никто, кроме неё, к этому сундуку не прикасался. В нём находились вещи, доставшиеся ей от её матери, которые она тщательно берегла. Там хранилась старинная крестьянская одежда из красного сукна, сборчатые юбки, короткие безрукавки, шитые жемчугом нагрудники¹. Ещё там были накрахмаленные белоснежные платки, массивные пряжки и цепи из серебра. В нынешние времена такие уборы уже давно вышли из моды, и мать не раз подумывала о том, что надо бы сбыть с рук все эти старые вещи. Но расстаться с ними у неё не хватало духу.

И вот теперь мальчик отчётливо увидел в зеркале, что сундук раскрыт. Он не понимал, как это могло случиться, ведь мать перед уходом проверила, плотно ли закрыта крышка. Такого ещё не бывало, чтобы она позабыла закрыть сундук, оставляя сына дома одного.

Мальчику стало страшно. «Уж не забрались ли в дом воры?» — с тревогой подумал он. Он сидел, не смея шелохнуться и не сводя глаз с зеркала, в котором в любую минуту мог возникнуть грабитель.

Вдруг он заметил на краю сундука какую-то тень. Он взгляделся в неё повнимательнее и глазам своим не поверил. Верхом на краю сундука сидел гном-домовой.

Мальчику и раньше приходилось слышать рассказы про живущих в доме гномов, но он никогда не думал, что они такие крошечные. Гном, сидевший на сундуке, был величиной с ладошку. У него было старое, морщинистое, безбородое лицо. Одет он был в чёрный сюртук и штаны до колен, а на голове у него была чёрная широкополая шляпа. Гном выглядел настоящим маленьким франтом — с кружевом на воротнике и манжетах, с пряжками на башмаках, с подвязками с бантами у колен. Вынув из сундука

---

¹ Имеются в виду праздничные, расшитые жемчугом жилеты.

нагрудник, гном залюбовался старинной вышивкой и не заметил, как проснулся мальчик.

При виде гнома мальчик, конечно, очень удивился, но особого страха не почувствовал. Кто же станет бояться такой крохи?

Гном между тем так сосредоточенно разглядывал старинное шитьё, что ничего вокруг не видел и не слышал.

«Вот бы сыграть с гномом какую-нибудь шутку! — подумал мальчик. — Например, спихнуть его в сундук и захлопнуть крышку или ещё что-нибудь вроде этого».

Но дотронуться до гнома рукой у него всё же не хватило смелости, и он стал шарить глазами по комнате, ища, чем бы его столкнуть. Взгляд его переходил от дивана к столу, от стола к очагу. Он оглядел котелки, кофейник на полке у очага, ведро с водой у двери, ложки, поварёшки, ножи, вилки, блюда и тарелки, видневшиеся через полуоткрытые дверцы посудного шкафа. Потом он перевёл взгляд на отцовское ружьё, висевшее на стене рядом с портретом датской королевской четы, на горшки с цветами на подоконнике и наконец увидел висевший у окна сачок.

Он сорвал сачок со стены, подбежал к сундуку и взмахнул им. И что же? На такую удачу он и не надеялся. Как это получилось, он и сам не понимал, но только гном очутился у него в сачке. Бедняга барахтался на дне сачка вниз головой и никак не мог выбраться оттуда.

В первый момент мальчик не мог придумать, что ему делать со своей добычей. Но на всякий случай он продолжал раскачивать сачок, чтобы гном не выскочил наверх и не удрал.

Тут гном заговорил. Он стал умолять мальчика отпустить его на свободу. За все эти годы он сделал для их семьи немало добра, и не след бы так с ним обходиться. Если мальчик его выпустит, то он подарит ему серебряную ложечку и ещё старинную золотую монету величиной с крышку отцовских карманных часов.

Все эти посулы не показались мальчику такими уж заманчивыми, но, завладев гномом, он отчего-то испугался. Он понял, что столкнулся с существом из иного мира, диковинного и таинственного, и теперь был бы только рад разделаться с этой нечистью.

Поэтому он тотчас же согласился и попридержал сачок, чтобы гном мог выбраться из сетки. Однако, когда тот был уже почти на свободе, мальчику вдруг пришло в голову, что он мог бы выторговать у гнома побольше всяких благ. Или по крайней мере поставить условие, чтобы гном с помощью колдовства вложил ему в голову заданный родителями урок.

«Ну и дурака же я сваял, так легко согласившись отпустить его!» — подумал мальчик. И он опять принялся раскачивать сетку, чтобы гном упал вниз.

В ту же минуту он получил такую оплеуху, что казалось, голова у него расколосась на куски. Он отлетел сперва к одной стене, потом к другой и наконец без памяти свалился на пол.

Когда он пришёл в себя, в доме уже никого не было. Гном исчез. Сундук был закрыт, а сачок висел на своём обычном месте у окна. Если бы он не чувствовал, как горит у него от оплеухи правая щека, он мог бы подумать, что всё это ему приснилось.

«Мать и отец наверняка скажут то же самое, — решил мальчик. — Ни в какого гнома они не поверят. Так что лучше мне опять сесть за книгу».

Но, идя к столу, он вдруг почувствовал что-то неладное. Комната стала как будто больше. Во всяком случае, путь от стены до стола показался ему гораздо длиннее, чем обычно.

И что это сделалось с креслом? Выглядело оно таким же, как всегда, но, чтобы сесть в него, мальчику пришлось сперва вскарабкаться на перекладину между ножками. То же самое со столом. Чтобы дотянуться до его края, мальчику пришлось залезть на подлокотник кресла.

— Да что же это такое! — воскликнул он. — Гном, видно, заколдовал и кресло, и стол, и всю комнату!

Книга лежала на столе и была на первый взгляд такая же, как и прежде, но с ней тоже, должно быть, что-то приключилось. Разобрать в ней хотя бы слово мальчик смог лишь после того, как встал обеими ногами на страницу.

Прочитав несколько строчек, он поднял голову, глянул в зеркало и громко закричал:

— Эге, да тут ещё кто-то есть!

В зеркале он отчётливо увидел крошечного мальчишку в шапочке колпачком и штанах из чёртовой кожи¹.

— Он одет точь-в-точь как я! — закричал мальчик, удивлённо всплеснув руками. И тут он заметил, что мальчишка в зеркале сделал то же самое.

Тогда он принялся тянуть себя за волосы, щипать себе руки, вертеться во все стороны. И что бы он ни делал, тот мальчик в зеркале немедленно повторял все его движения.

Мальчик несколько раз обежал вокруг зеркала, чтобы проверить, не прячется ли кто сзади, но никого не нашёл. И он похолодел от ужаса, потому что понял: мальчишка, которого он видит в зеркале, это он сам и есть.

Дикае гуси

Мальчик не сразу смог поверить, что превратился в гнома. «Это какое-то наваждение или, может быть, сон, — подумал он. — Надо подождать минуту-другую — и я опять превращусь в человека».

Он встал перед зеркалом и зажмурился. Переждав две-три минуты, он открыл глаза, надеясь, что наваждение прошло. Но не тут-то было. Он по-прежнему оставался крошечным.

В остальном же он ничуть не изменился. Тот же белобрысый чуб, и веснушки на носу, и заплаты на штанах, и штопка на чулках. Всё было таким же, как прежде, только во много раз меньше.

Он понял, что ждать ему больше нечего. Надо придумать какой-нибудь выход. И самое разумное будет отыскать гнома и постараться как-нибудь поладить с ним.

Соскочив со стола на пол, он пустился на поиски гнома. Он заглядывал за шкафы, под столы, стулья и диван. Обшарил все мышиные норки. Но гнома и след простыл.

Однако мальчик не прекращал поисков и при этом лил слёзы в три ручья. Чего только он не обещал! И послушным-то он ста-

---

¹ Чёртова кожа, молескин — прочная плотная ткань из хлопка.

нет, и обманывать никого не будет, и над книгой больше не за-
снёт. Если только он опять превратится в человека, то никогда
больше никому не сделает зла. В целом свете не будет мальчика
добрее и покладистее его. Но все эти его заверения ни на грош
не помогли.

Вдруг он вспомнил, что мать говорила, будто гномы живут
в коровнике, и решил отправиться туда немедленно.

На его счастье, дверь дома оставалась приоткрытой, потому
что теперь он ни за что не смог бы дотянуться до засова.

Ступив за порог, он стал оглядываться, ища свои деревянные
башмаки, которые он всегда снимал, перед тем как войти в дом.
Только он успел подумать о том, что теперь его большие, неуклю-
жие башмаки будут ему не впору, как заметил на крыльце пару
крошечных башмачков. Увидев, что гном предусмотрительно за-
колдовал и его башмаки, мальчик ещё больше испугался. Он по-
нял, что беда пришла к нему надолго.

Перед крыльцом на подгнившей дубовой колоде прыгал воро-
бей. При виде мальчика он громко закричал:

— Чирик! Чирик! Чирик! Смотрите все на Нильса-пастушон-
ка! Смотрите на Нильса Хольгерссона! Ни дать ни взять малышок
с вершок!¹

Гуси и куры повернули головы к мальчику, и на дворе поднял-
ся отчаянный галдёж.

— Кукареку! — вопил петух. — Поделом ему! Кукареку! Он
дёргал меня за гребень!

— Ко-ко-ко! Поделом ему! — голосили куры.

Гуси сбились в кучу, вытянули шеи и загоготали:

— Кто-кто-кто это сделал? Кто-кто-кто это сделал?

Но самое удивительное было то, что мальчик понимал всё,
о чём они говорят. Застыв от изумления на крыльце, он стал при-
слушиваться.

---

¹ По-шведски мальчика прозвали Tummetott (большой палец руки), т. е. он
был ростом с палец. Старорусская единица длины «вершок» равнялась дли-
не основной фаланги указательного пальца и составляла 4,5 сантиметра, это
практически такая же длина, как у большого пальца.

«Это, наверное, из-за того, что я превратился в гнома, — подумал мальчик. — Потому-то я и стал понимать птичий язык».

Но слушать, как куры радуются его беде, было просто невозможно. Он швырнул в них камнем и закричал:

— Эй, вы, дурачьё, замолчите!

Однако он упустил из виду, что теперь куры могут не бояться его. Они скопом ринулись к нему и, окружив его, загалдели ещё громче:

— Ко-ко-ко! Ко-ко-ко! Поделом тебе! Поделом тебе!

Мальчик попытался удрать от них, но они понеслись за ним вдогонку, крича так, что он чуть не оглох.

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы на крыльцо не вышла кошка. Заметив её, куры отстали от мальчика и как ни в чём не бывало принялись рыться в земле, делая вид, что ищут червяков.

Мальчик бросился к кошке.

— Киса, голубушка! — сказал он. — Тебе наверняка известны тут, в усадьбе, все углы и закоулки. Будь добра, скажи, где мне найти гнома?

Кошка ответила не сразу. Она уселась, кокетливо уложила хвост колечком и лишь тогда удостоила мальчика взглядом.

Это была большая чёрная кошка с белым пятном на грудке. Её тщательно вылизанная шерстка блестела на солнце. Когти она убрала, глаза зажмурила, оставив лишь узенькую щёлочку посередине. Вид у неё был самый благодный.

— Ясное дело, мне известно, где живёт гном, — нежно мяукнула кошка. — Но с чего ты взял, что я скажу об этом тебе?

— Ты же видишь, что гном меня заколдовал. Так помоги же мне, кисуля! — попросил мальчик.

Кошка чуть приоткрыла глаза, и в них сверкнула свирепая зелёная искорка. Сладко мурлыча, она ответила:

— С какой это стати я должна помогать тебе? Уж не за то ли, что ты без конца дёргал меня за хвост?

Тут мальчик вышел из себя и совсем забыл о том, каким маленьким и слабым он стал.

— Я и теперь могу тебя дёрнуть! — закричал он, подбегая к кошке.

Кошка мгновенно преобразилась. Мальчик с трудом мог поверить, что перед ним один и тот же зверь. Шерсть у неё встала дыбом, спина выгнулась, лапы вытянулись, а когти заскребли землю. Выставив хвост трубой, кошка прижала уши к голове и злобно зафыркала. Глаза её широко раскрылись и зажглись зловещим красным огнём.

Мальчик не мог позволить какой-то кошке запугать себя и сделал ещё шаг вперёд. Но тут кошка одним прыжком очутилась возле него. Сбив его с ног, она упёрлась передними лапами ему в грудь и свирепо ощерила пасть.

Мальчик почувствовал, как когти её вонзились в кожу сквозь рубашку и жилет, а острые клыки коснулись шеи. Он стал отчаянно звать на помощь. Никто, однако, не спешил к нему на выручку, и он подумал было, что настал его последний час. Но тут он почувствовал, как кошка убрала когти и отпустила его горло.

— Вот так-то! — сказала она. — Будет с тебя. На сей раз я пощажу тебя ради хозяйки. Я просто хотела показать, на чьей стороне теперь сила.

С этими словами кошка пошла прочь, такая же благой нравная и кроткая, какой явилась во двор. Мальчик был до того сконфужен, что не ответил ей ни слова и поспешил в хлев на поиски гнома.

В хлеву стояли три коровы, но, когда мальчик вошёл туда, там поднялся такой гвалт, будто коров было по меньшей мере тридцать.

— Му-му-му! — замычала Майская Роза. — Есть ещё справедливость на свете!

— Му-му-му! — подхватили остальные.

Они кричали наперебой, так что мальчик долго не мог разобрать, о чём речь.

Он хотел спросить их про гнома, но взволнованные коровы и слушать его не желали. Так они обычно бушевали, когда мальчик озорства ради впускал к ним в хлев бродячую собаку. Они брыкались, гремели цепями, бодались.

— Попробуй только подойти! — кричала Майская Роза. — Я так двину тебя копытом, что долго будешь помнить!

— Подойди, миленький, подойди! — вторила ей Жёлтая Лилия. — Попляшешь на моих рогах!

— Подойди, подойди! — ревела Звёздочка. — Я припомню тебе, как ты прошлым летом пинал меня деревянным башмаком!

— Подойди! Подойди! — кричала Жёлтая Лилия. — Наконец-то я рассчитаюсь с тобой за шмеля, что ты впустил мне в ухо!

Майская Роза была самой старой и самой мудрой из них, и она горячилась больше всех.

— Подойди! — восклицала она. — Я хочу рассчитаться с тобой за всё! За то, что ты выбивал из-под матери доильную скамеечку¹, за то, что ставил ей подножки, когда она выходила из хлева с полным ведром молока, за все слёзы, что она пролила тут из-за тебя!

Мальчик порывался сказать им, что раскаивается, что отныне он будет обращаться с ними по-хорошему, пусть только скажут, где прячется гном. Но коровы не давали ему и слова вымолвить. Они до того бесновались, что он начал опасаться, как бы одна из них не сорвалась с цепи, и решил убраться отсюда подобру-поздорову.

Он вышел во двор, окончательно упав духом. Он понял, что тут, в усадьбе, никто не поможет ему отыскать гнома. Впрочем, даже если он и найдёт его, какой от этого будет прок?

Он залез на окружавшую усадьбу широкую каменную ограду, поросшую шиповником и ежевикой. Тут он уселся и стал думать о том, как же всё будет, если он навеки останется гномом.

Вот удивятся отец и мать, когда вернутся домой и увидят, каким он стал! Да и только ли они? Наверное, со всей округи сбегится народ, чтобы поглазеть на него. А может, родители отвезут его на ярмарку в Чивик² и станут показывать там за деньги?

Нет, об этом страшно было даже подумать. Пусть уж лучше ни одна живая душа больше не увидит его. Надо же, какая на-

---

¹ Низкая скамеечка, табурет, на котором сидела женщина, когда доила корову. На некоторых скамейках было и место для ведра, чтобы корова его случайно не опрокинула.

² Чивикская ярмарка (швед. Kiviks Marknad) была известным местом в области Сконе, там торговали разной едой, в том числе свежей сельдью, сидром.

пасть обрушилась! Кажется, на всём белом свете нет мальчишки несчастнее! Он теперь не человек, а диковина.

Мало-помалу до него стал доходить весь ужасный смысл того, что произошло. Отныне он не сможет играть с другими мальчишками, не сможет наследовать отцовское хозяйство и ни одна девочка не согласится выйти за него замуж.

Он сидел на ограде и разглядывал свой дом. Это был маленький белый домик, точно придавленный книзу высокой, крутой соломенной крышей. Дворовые постройки тоже были маленькие, а полоска пашни такая узкая, что лошади с плугом на ней и повернуться негде было.

Но как ни мала, как ни убога была отцовская усадьба, теперь и она для него была слишком роскошна. Подпол на конюшне — вот какое жильё теперь по нём.

А погода была на редкость хороша. Щебетали птицы, журчали ручьи, распускались почки на деревьях. Только он один сидел в глубокой печали. Никогда больше не знать ему радости.

Такого голубого неба, как сегодня, он ещё никогда не видел. И в нём проносились стаи перелётных птиц. Они прилетали из чужих краёв, пересекали Балтийское море и направлялись на север Швеции. Наверное, там были всякие птицы, но мальчик мог узнать только диких гусей, которые обычно летели двумя длинными рядами, сходящимися клином.

Множество гусиных стай уже пронеслось над усадьбой. Они летели высоко, но до мальчика всё же доносились их крики:

— Мы держим путь в горы! В горы! В горы! В горы!

Завидев домашних гусей, дикие гуси опускались ниже и кричали:

— Айда с нами! Айда с нами! Мы держим путь в горы!

Домашние гуси невольно вытягивали шеи и прислушивались. Но почти сразу же благоразумие брало верх, и они рассудительно отвечали:

— Нам и тут хорошо! Нам и тут хорошо!

Как уже было сказано, погода стояла на редкость хорошая. Лететь в таком свежем прозрачном воздухе, должно быть, одно удовольствие. И с появлением каждой новой стаи домашних гусей

охватывало всё большее беспокойство. Они даже принимались хлопать крыльями, будто собираясь взлететь. Но старая гусыня всякий раз говорила:

— Не сходите с ума. Эти бродяги терпят и холод, и голод.

Среди домашних гусей был молодой гусь, в котором крики перелётных стай разбудили неодолимую тягу к странствиям.

— Со следующей стаей я тоже полечу! — заявил он.

И вот появилась новая стая и стала звать домашних гусей. И тогда молодой гусь воскликнул:

— Погодите! Я с вами!

Он расправил крылья и хотел было взлететь, но с непривычки снова упал на землю.

Дикие гуси, должно быть, услышали его зов. Они повернули и медленно полетели назад, словно дожидаясь его.

— Погодите! Погодите! — кричал гусь, снова пытаюсь взлететь.

Всё это слышал мальчик, сидевший на ограде.

«Если он улетит, хозяйству будет большой убыток, — подумал он. — А как расстроятся мать с отцом, когда придут домой и не найдут гуся!»

Эта мысль опять заставила его забыть о том, какой он теперь маленький и бессильный.

Соскочив с ограды, он подбежал к гусю и обхватил его шею руками.

— Никуда ты не полетишь! — закричал он.

Но в эту минуту гусь догадался наконец, как ему оторваться от земли. Он не сумел сбросить с себя мальчика и поднялся в воздух вместе с ним.

Они так быстро взмыли вверх, что мальчик и опомниться не успел. А когда сообразил наконец, что нужно выпустить шею гуся, было уже поздно. Они находились на большой высоте, и если бы он упал на землю, то разбился бы насмерть.

Единственное, что ему оставалось, — это взобраться гусю на спину и устроиться там поудобнее. Удалось ему это не без труда. Да и удержаться на шелковистой гладкой спине между двумя размахивающими крыльями тоже было нелегко. Чтобы не свалиться

на землю, ему пришлось что есть силы вцепиться руками в гусиные перья.

Клетчатая ткань

Мальчик был до того огорошен, что долго не мог прийти в себя. Ветер со свистом бил ему в лицо, крылья под ним мерно взмахивали, а перья под напором воздуха шумно трепетали, точно листва в бурю. Со всех сторон он был окружён гусями. Всего их было тринадцать. Они били крыльями, гоготали, перекликались. У мальчика звенело в ушах и рябило в глазах. Он не знал, высоко ли они летят и в какую сторону.

Мало-помалу в голове у него немного прояснилось, и он подумал о том, что надо бы узнать, куда гуси несут его. Но он долгое время не решался глянуть вниз, боясь, что у него закружится голова.

Гуси летели не слишком высоко, так как знали, что новому их товарищу, примкнувшему к стае, трудно будет дышать в разрежённом воздухе. Ради него они и лететь старались медленнее обычного.

Наконец мальчик принудил себя бросить взгляд на землю, и тут ему показалось, что под ним расстилается огромная скатерть в крупную и мелкую клетку.

— Куда это я попал? — ахнул он.

Он не видел ничего, кроме клеток. Одни были короткие и широкие, другие — узкие и длинные. Но все они были прямоугольные, с ровными краями.

— Что это за большая клетчатая ткань там внизу? — спросил себя мальчик, не надеясь, конечно, услышать ответ.

Но дикие гуси, летящие вокруг него, сразу же откликнулись:

— Это поля и луга! Поля и луга!

И тут только он понял, что огромная клетчатая ткань — это равнина Сконе, над которой они пролетают.

И он начал догадываться, почему она похожа на пёструю клетчатую скатерть. Сперва он сообразил, что светло-зелёные

клетки — это озимые хлеба, засеянные прошлой осенью и оставшиеся зелёными под снегом. А желтовато-серые клетки — полосы жнивья¹. Коричневые — поля клевера, чёрные — пустующие пастбища или распаханное поле. А вон те буроватые клетки с жёлтой каймой — скорее всего, буковые леса. Большие деревья в глубине леса зимой стоят совершенно голые, а низкорослые молодые буки по опушкам до самой весны сохраняют сухую, жёлтую листву. Были внизу и тёмные клетки с серыми пятнами посредине. Это большие усадьбы с почерневшей соломой на крышах и мощёнными булыжником дворами.

А ещё можно было различить зелёные клетки с коричневыми краями. Это сады, в которых начала уже пробиваться молодая трава, но деревья и кусты ещё темнеют обнажёнными ветками.

Вся эта пестрота показалась мальчику до того забавной, что он не мог удержаться от смеха.

Услышав его смех, гуси закричали, словно бы с осуждением:

— Хорошая и плодородная земля! Хорошая и плодородная земля!

Но мальчик уже перестал смеяться.

«Как можешь ты веселиться, когда с тобой приключилось самое страшное, что только может быть с человеком?» — подумал он.

Некоторое время он сидел пригорюнившись, но вскоре ему опять довелось вдоволь посмеяться.

Попривыкнув к быстрому движению, он мог уже думать не только о том, чтобы удержаться на спине гуся, и стал обращать внимание на всё, что творилось вокруг. Он заметил, как много в небе птичьих стай, летящих на север. От стаи к стае неслись громкие весёлые крики.

— Вы уже тут? — спрашивали одни.

— Да, сегодня прибыли, — отвечали другие. — Ну что, весна здесь уже наступила?

— Ни листочка на дереве, и вода в озёрах холодная! — кричали им в ответ.

Пролетая над крестьянским двором, где расхаживала домашняя птица, дикие гуси громко спрашивали:

---

¹ Жнивье — поле, с которого убрана пшеница или рожь.

— Как зовётся усадьба? Как зовётся усадьба?

И тогда петух, вытягивая шею, кричал:

— Усадьба зовётся Невеличка! Усадьба зовётся Невеличка!
Нынче, как прежде! Нынче, как прежде!

Вообще-то усадьбы в Сконе зовутся по имени хозяина. Но вместо того чтобы сказать, что это усадьба Пера Маттсона или Уле Боссона, петухи старались придумывать названия помудрёнее. Например, петухи из бедных усадеб кричали:

— Усадьба зовётся С гулькин нос!

Или:

— Усадьба зовётся Пусты закрома!¹

А петухи из богатых, зажиточных усадеб придумывали имена более внушительные, такие как Тугая мошна² или Райский уголок.

Но в больших барских поместьях петухи не унижались до подобных шуток. Один из них кричал что есть мочи, так, чтобы его слышно было во всей округе: «Это поместье Дюбека. Нынче, как прежде! Нынче, как прежде!» А чуть подальше другой петух голосил: «Это поместье Сванехольма! Весь свет про это знает!»

Мальчик заметил, что гуси не летят прямым путём, а кружат по всей равнине Сёдерслет³, словно радуясь тому, что они опять в Сконе, и спеша поздороваться с каждой усадьбой.

Наконец они очутились над посёлком, в котором находились большие дома с высокими трубами, вокруг которых были разбросаны домики поменьше.

— Это сахарный завод Юрберга! Сахарный завод Юрберга! — кричали петухи.

Услышав их крики, мальчик вздрогнул. Как же он не узнал этого места! Оно находилось неподалёку от его дома, и тут он

---

¹ Закром — специальное место для хранения зерна. Если в закромах пусто, значит, в усадьбе с зерном плохо.

² Мошна — кошелёк, мешочек для денег. Если он туго набит, значит, усадьбой владеют зажиточные хозяева.

³ Южная равнина (*швед.* Söderslätt) — сельскохозяйственный район на юго-западе области Сконе, известный почвой очень высокого качества.

в прошлом году служил в подпасах¹. Но, видно, сверху всё выглядит совершенно иначе, чем снизу.

И подумать только! Ведь вместе с ним здесь пасли гусей пастушка Оса и малыш Матс. Интересно, тут ли они ещё? И что бы они сказали, если бы узнали, что он сейчас пролетает над их головами?

Но вот завод Юрберга пропал из виду. Они пролетели мимо Сведаль² и замка Скабершё, а потом вернулись к Хеккеберге³. За один этот день мальчик узнал свой родной край лучше, чем за всю прожитую жизнь.

Больше всего диким гусям нравилось подшучивать над домашней птицей. При виде расхаживавших по двору гусей они замедляли полёт и кричали:

— Мы держим путь в горы! Айда с нами! Айда с нами!

Но домашние гуси отвечали:

— Зиме ещё конца не видно! Вы прилетели слишком рано. Возвращайтесь назад!

Дикие гуси опускались совсем низко, чтобы их было лучше слышно, и кричали:

— Айда с нами! Айда с нами! Мы научим вас и летать, и плавать!

Домашние гуси от ярости теряли дар речи.

Тогда дикие гуси опускались почти до самой земли, а затем молнией взлетали вверх, словно в смертельном испуге.

— Ой, ой, ой! — восклицали они. — Да это не гуси! Это пугливые овцы!

Вне себя от злости, домашние гуси шипели:

— Чтоб вас всех перестреляли! Всех до единого!

Слушая эту перебранку, мальчик хохотал до слёз. Потом, вспомнив о своей беде, он вновь принимался плакать. Впрочем, не проходило и минуты, как его опять начинал разбирать смех.

---

¹ Подпасок — помощник пастуха (обычно подросток).

² Сведала (*швед.* Svedala) — район в области Сконе.

³ Хеккеберге (*швед.* Häckeberga) — заповедник в области Сконе, с одноименным озером и замком.

Никогда прежде не приходилось ему двигаться с такой быстротой, а ведь он больше всего на свете любил быструю езду. Никогда не думал он, что тут, наверху, так свежо и так вольно дышится. Не знал он, какое благоухание поднимается к небу от весенней земли. Он и не догадывался, какая это радость — лететь высоко в небе. И теперь ему казалось, что он улетает прочь от всех невзгод, печалей и неприятностей, какие только могут быть у человека.

II Акка из Кебнекайсе¹

Вечер

Большой белый гусь был страшно горд тем, что попал в компанию диких гусей и теперь вместе с ними летает над равниной, дразня домашнюю птицу. Но, как ни велика была его радость, к вечеру он всё же почувствовал, что начинает выбиваться из сил. Он попытался глубже дышать и чаще махать крыльями, но, несмотря на это, всё больше отставал от стаи.

Дикие гуси, находившиеся позади, заметили, что домашний гусь не поспевает за ними, и стали окликать гусыню, летевшую во главе клина:

---

¹ Акка (*с.-саамск.* Áhkká) — гора в Скандинавских горах в шведской Лапландии, на саамском языке слово означает «старая женщина». Так Сельма Лагерлёф назвала мудрую предводительницу стаи гусей. Кебнекайсе (*швед.* Kebnekaise) — высочайшая вершина Швеции и Лапландии, находится на севере Скандинавских гор.

— Акка из Кебнекайсе! Акка из Кебнекайсе!

— В чём дело? — спросила гусыня-вожак.

— Белый гусь отстаёт! Белый гусь отстаёт!

— Скажите ему, что легче лететь тому, кто летит быстро, — отозвалась гусыня, как ни в чём не бывало продолжая путь.

Белый гусь, желая последовать её совету, рванулся вперёд. Но это усилие окончательно доконало его. Он стал терять высоту и опустился до самых верхушек подстриженных ив, росших вдоль межей¹.

— Акка! Акка! Акка из Кебнекайсе! — закричали те, кто летел позади и видел, как ему трудно.

— Ну что там ещё? — недовольно спросила гусыня-вожак.

— Белый гусь падает на землю! Белый гусь падает на землю!

— Скажите ему, что легче лететь тому, кто летит высоко, — отозвалась гусыня и даже не подумала сбавить темп.

Белый гусь попытался последовать и этому совету, но, взлетев вверх, задохнулся так, что у него чуть грудь не лопнула.

— Акка! Акка! — закричали те, кто находился позади.

— Дадите вы мне сегодня спокойно лететь? — ещё более недовольным тоном спросила гусыня.

— Белый гусь падает! Белый падает!

— Скажите ему, что тот, кому не под силу поспевать за стаей, может вернуться домой, — ответила гусыня. Ей и в голову не пришло сбавить скорость.

«Ах вот оно что!» — подумал гусь. Теперь он понял, что дикие гуси и не собирались брать его с собой в Лапландию. Они просто сыграли с ним недобрую шутку, выманив из дому забавы ради.

Его охватила злость при мысли о том, что силы изменяют ему и он не сможет доказать этим бродягам, что домашний гусь тоже кой-чего стоит. Досаднее всего было то, что его утраздило попасть в стаю самой Акки из Кебнекайсе. Хотя он и был домашним гусем, однако и до него дошли слухи про гусыню-вожака по имени Акка, которой было больше ста лет от роду. Слава её была так велика, что лучшие из диких гусей считали за честь примкнуть

---

¹ Межа — узкая полоса земли, являющаяся границей земельных участков.

к её стае. Но никто не испытывал большего презрения к домашним гусям, чем Акка и её стая, и белому гусю до смерти хотелось показать, что он им ни в чём не уступает. Впрочем, с трудом поспевая за стайей, он уже подумывал, не вернуться ли ему домой. Но тут вдруг подал голос малыш, сидевший на его спине.

— Мортен, голубчик! — сказал он. — Ты же не привык летать. Тебе нипочём не добраться до Лапландии с дикими гусями. Может, вернёшься домой, пока цел?

Для гуся в целом свете не было никого ненавистнее хозяйского мальчишки, и, как только он понял, что эта мелюзга не верит в его силы, он тут же решил продолжать путь.

— А ну замолчи, — прошипел он. — Если ты ещё хоть слово про это пикнешь, я сброшу тебя в первую попавшуюся яму.

От злости у него даже силы прибавились, и он почти нагнал остальных.

Долго бы он, конечно, не продержался, но теперь в этом больше не было надобности. Солнце стало быстро клониться к закату, и с его последним лучом гуси опустили на землю. Гусь с мальчиком и оглянуться не успели, как очутились на берегу озера Вомбшён.

«Тут мы, как видно, заночуем», — подумал мальчик и спрыгнул со спины гуся.

Он стоял на узкой песчаной береговой полосе, а перед ним растянулось довольно большое озеро. Сковывавший его ледяной панцирь придавал ему суровый, неприветливый вид. Правда, лёд во многих местах потемнел и раскололся. То тут, то там виднелись полыньи¹ и трещины. Так обычно выглядит весенний лёд, который доживает последние дни. Он уже отошёл от берега и был окружён широкой полосой тёмной, поблёскивающей воды. Но всё-таки он ещё держался на озере, дыша стужей и придавая окрестностям зимнюю суровость.

По другую сторону озера виден был привольно раскинувшийся посёлок, а на том берегу, куда опустилась гусиная стая, не было

---

¹ Полынья — незамёрзшее или уже растаявшее место на ледяной поверхности реки, озера.

ничего, кроме густого соснового древостоя¹. Лес, казалось, обладал силой удерживать зиму. Земля уже почти везде обнажилась, но под гигантскими деревьями ещё лежал снег, который то подтаивал, то снова замерзал и под конец затвердел, превратившись в ледяную корку.

Мальчику показалось, что он попал в какой-то дикий, скованный стужей край; ему стало до того жутко, что он чуть не закричал от страха.

К тому же он сильно проголодался. Весь день у него не было во рту ни крошки. А где он раздобудет еду? Ведь в марте не сыщешь ничего съедобного ни на земле, ни на деревьях.

Да, действительно, где он раздобудет еду? Кто приютит его на ночь, кто постелет ему постель? Кто обогреет его у очага? Кто защитит от диких зверей?

Солнце скрылось, с озера потянуло холодом, тьма опустилась на землю, а вместе с ней ожили ночные страхи. В лесу что-то зашуршало и зашелестело.

От восторга, который испытывал мальчик, летя высоко в небе, не осталось и следа. Охваченный тревогой, он оглянулся на своих спутников. Больше ему не у кого было искать поддержки.

И тут он увидел, что белому гусю ещё хуже, чем ему самому. Он лежал на том же месте, куда приземлился, и казалось, вот-вот испустит дух. Голова его бессильно свесилась набок, глаза были закрыты, а вместо дыхания слышалось лишь слабое шипение.

— Мортен, миленький! — сказал мальчик. — Попробуй хлебнуть водички. До озера всего два шага.

Но гусь не шевельнулся.

Мальчик никогда не отличался особой жалостью к животным, да и с белым гусем, бывало, обходился жестоко. Но теперь он понимал, что гусь — его единственная опора, и до смерти перепугался при мысли о том, что может его потерять. Он начал подталкивать и тащить гуся к озеру. Гусь был большой и тяжёлый, так что для мальчика это оказалось делом непростым, но в конце концов ему всё же удалось дотащить гуся до воды. Голова гуся

---

¹ Древостой — множество деревьев, образующее лес.

окунулась в озеро. Сначала он лежал неподвижно, утопая в прибрежном иле, а затем поднял клюв, стряхнул с глаз воду и фыркнул. Через минуту гусь поднялся и гордо поплыл в тростниковых зарослях.

Дикие гуси уже давно были на середине озера. Опустившись на землю, они, не обращая никакого внимания ни на белого гуся, ни на его седока, сразу же ринулись в воду. Они выкупались, почистили перья и теперь с удовольствием клевали водоросли.

Белый гусь заметил небольшого окуня. Он быстро схватил его, подплыл к берегу и положил рыбу перед мальчиком.

— Это тебе за то, что ты помог мне добраться до воды, — сказал он.

Впервые за весь день мальчик услышал приветливое слово. Он до того обрадовался, что готов был кинуться на шею гусю, если бы робость не помешала ему. Обрадовало его и угощение. Правда, сперва он подумал, что в рот не сможет взять сырую рыбу, однако потом всё же решил попробовать.

Он пошарил в кармане, ища свой складной ножик. Нож был на месте, хотя сильно уменьшился и был теперь не больше спички. Тем не менее он вполне годился для того, чтобы очистить рыбу от чешуи и выпотрошить её. Вскоре окунь был съеден.

Наевшись досыта, мальчик в душе стал корить себя за то, что способен питаться сырой рыбой.

«Сразу видно, что я теперь не человек, а гном», — подумал он.

Пока мальчик подкреплялся, гусь молча стоял рядом с ним. Дождавшись, когда тот проглотил последний кусок, гусь сказал:

— Ну и в компанию мы с тобой попали. Эти гуси больно много о себе воображают. Они и в грош не ставят домашнюю птицу.

— Мне тоже так показалось, — согласился мальчик.

— Я почёл бы за честь для себя утереть нос этим гордецам. Я хочу долететь с ними до Лапландии, чтобы показать, что мы, домашние гуси, тоже не лыком шиты.

— Да... — нерешительно начал мальчик и запнулся.

Он не верил, что белый гусь на это способен, но ему не хотелось его обижать.

— Одному мне такое путешествие не по плечу. Вот и хочу спросить тебя: не можешь ли ты отправиться со мной, чтобы помочь мне в дороге?

Мальчик, само собой, ни о чём ином и не помышлял, как только поскорее вернуться домой. Предложение гуся озадачило его, и он не знал, что ответить.

— Я так полагал, что мы с тобой враги, — наконец сказал он.

Но гусь, казалось, совершенно забыл про это. Он помнил лишь о том, что мальчик только что спас ему жизнь.

— Вообще-то я хотел бы вернуться домой к отцу и матери, — нерешительно проговорил мальчик.

— Осенью я доставлю тебя к ним, — заверил его гусь. — Я не покину тебя до тех пор, пока ты не ступишь на порог своего дома.

Что ж, подумал мальчик, может быть, оно и к лучшему, если он на первых порах не покажется на глаза родителям.

Предложение гуся пришлось ему по вкусу, и он уже готов был сказать, что согласен. Но тут они услышали позади себя какой-то шум. Это дикие гуси выбрались на берег и теперь отряхивались от воды. Затем они выстроились в ряд и во главе с гусыней-вожаком двинулись к ним.

Теперь белый гусь смог разглядеть диких гусей вблизи, и ему стало как-то не по себе. Он ожидал, что они более сродни домашним гусям. На самом деле они оказались намного мельче, и оперение у них было не белое, а серое с коричневым оттенком. А глаза их и вовсе испугали его. Они были жёлтые и горели как фонарики. Белый гусь с детства усвоил, что ходить следует степенно и не спеша. Эти же гуси не ходили — они подпрыгивали. Но что окончательно привело Мортена в ужас, так это их ноги. У диких гусей были огромные израненные лапы со стёртыми ступнями. Видно было, что эти гуси не ищут проторённых тропок, а шагают где попало. Хоть оперение у них было пёстрое и нарядное, но, взглянув на их ноги, сразу можно было понять, что перед тобой нищие бродяги.

Дикие гуси приблизились так быстро, что Мортен успел лишь торопливо шепнуть мальчику:

— Отвечай на все вопросы смело, но только не говори, кто ты есть.

Остановившись перед ними, гуси учтиво согнули шеи в поклоне. Белый гусь поклонился им ещё ниже. После этих приветствий гусыня-вожак сказала:

— Ну а теперь мы хотим знать, кто вы такие.

— Про меня особенно рассказывать нечего, — начал гусь Мортен. — Родился я прошлой весной в Сканёре¹. Осенью меня продали в усадьбу Хольгера Нильссона в Вестра Вемменхёг. С тех пор я там и жил.

— Вижу, похвалиться тебе нечем, — сказала гусыня-вожак. — С чего же ты тогда так возомнил о себе и претендуешь на то, чтобы мы приняли тебя в свою компанию?

— Я хочу доказать вам, диким гусям, что мы, домашние гуси, тоже кой-чего стоим, — ответил белый гусь.

— Ну что ж, я была бы рада, если бы ты смог это доказать, — сказала гусыня. — Какой ты мастер летать, мы уже видели. Но, может, ты в чём другом силён? Может, ты плавать умеешь?

— Нет, и в этом я не силён, — ответил гусь. Он уже понял, что дело его всё равно пропавшее, и не слишком заботился о том, какое впечатление производят его ответы. — Я, пожалуй, только лужу и смог бы переплыть, — заключил он.

— Тогда, я полагаю, ты умеешь хотя бы прыгать?

— Ну где это видано, чтобы домашние гуси прыгали? Нет, и этого я не умею, — ответил гусь Мортен, чувствуя, что окончательно губит себя таким ответом.

Белый гусь был уверен, что гусыня немедленно предложит ему отправиться домой, и потому крайне удивился, услышав её слова:

— У тебя хватило смелости честно ответить на все мои вопросы, а тот, кто честен и смел, может быть хорошим товарищем в пути, даже если на первых порах ему и не хватает кое в чём умения. Оставайся с нами на день-другой, чтобы мы могли испытать тебя. Что скажешь на это?

— Согласен, — обрадованно ответил гусь.

---

¹ Сканёр (*швед.* Skanör) — городок на юге Швеции.

Затем гусыня-вожак указала клювом на мальчика и спросила:

— А это кто с тобой? Я таких никогда раньше не видывала.

— Это мой товарищ, — ответил гусь. — Всю свою жизнь он пас гусей. Он пригодится мне в дороге.

— Ну что ж, для домашнего гуся иметь провожатого — дело нелишнее. А как звать его?

— У него много имён, — уклончиво ответил гусь, впопыхах не сумев ничего придумать. Он не хотел открывать, что у мальчика человеческое имя. — Ну... его зовут Вершок, — наконец сказал он.

— Он что же, из гномов будет? — спросила гусыня.

— Когда вы, дикие гуси, отправляетесь спать? — поспешно спросил гусь, пытаясь уйти от ответа на последний вопрос. — У меня в эту пору уже глаза слипаются.

Нетрудно было заметить, что гусыня, говорившая с Мортеном, была очень стара. Оперение у неё было сплошь грязновато-серое, без тёмных полос. Голова была больше, ноги толще, а лапы более стёртые, чем у других гусей. У неё были тонкая шея, костлявые плечи и жёсткие крылья. Всё это сделали годы. И лишь над глазами они оказались бессильны. Глаза у Акки были ясные и блестели совсем как у молодой.

Гусыня величественно обернулась к Мортену:

— Да будет тебе известно, белый гусь, что я — Акка из Кебнекайсе. Справа от меня в стае летит Укси из Вассияуре, а слева — Какси из Нуоля. Знай также, что вторая гусыня справа — Кольме из Сарекчокко, а вторая слева — Нелье из Сваппавара и что позади них летят Вииси из Увиксфьеллен и Кууси из Шангели!¹ И знай, что все они, равно как и шестеро гусят, которые летят сзади, три справа и три слева, — дикие гуси самых лучших кровей! Не думай, что мы какие-нибудь бродяги, которые готовы якшаться с кем попало. И мы никогда не станем делить ночлег с тем, кто скрывает от нас своё имя и происхождение.

---

¹ Имена гусей — это названия числительных в финском языке: Укси (uksi) — один, Какси (kaksi) — два, Кольме (kolme) — три, Нелье (neljä) — четыре, Вииси (viisi) — пять, Кууси (kuusi) — шесть. Акка также называет места, откуда они родом.

Выслушав эту речь Акки, мальчик быстро выступил вперёд. Ему стало досадно, что белый гусь, который так прямо и честно рассказывал о себе, начал вилять, как только речь зашла о нём.

— Я и не думаю скрывать своё имя, — сказал он. — Меня зовут Нильс Хольгерссон. Я сын крестьянина-арендатора и до сего дня был человеком. Но нынче утром...

Больше он ничего не успел сказать. Как только гуси услышали слово «человек», Акка попятилась от него на несколько шагов, а остальные — ещё дальше. Гуси, все как один, вытянули шеи и сердито зашипели.

— Чуяло моё сердце! — сказала Акка. — Я подозревала это с той самой минуты, как увидела тебя на берегу. А теперь — убирайся отсюда немедленно. Мы не потерпим в нашей стае человека.

— Не может быть, чтобы вы, дикие гуси, испугались такого малявку, — примирительно проговорил гусь Мортен. — Завтра он отправится домой, но на эту ночь вы должны позволить ему остаться с нами. Никто из нас не возьмёт греха на душу и не прогонит беднягу среди ночи в лес, зная, что там его могут сцапать ласка или лиса.

Гусыня подошла поближе, хотя заметно было, что ей нелегко подавить свой страх.

— Я привыкла с опаской относиться ко всякому, кто зовётся человеком, неважно, маленький он или большой, — сказала Акка. — Но если ты, белый гусь, поручишься за то, что он не делает нам ничего худого, то, так и быть, пусть остаётся на эту ночь. Не знаю только, придётся ли вам по вкусу наш ночлег, потому что мы собираемся спать, стоя прямо на льду озера.

Этими словами она, видимо, хотела смутить гуся. Но тот и глазом не моргнув ответил:

— Весьма разумно было с вашей стороны выбрать такое надёжное место для ночлега.

— Смотри же, ты в ответе за то, что завтра он отправится домой!

— Тогда и мне придётся расстаться с вами, — сказал белый гусь. — Я обещал не покидать его.

— Это дело твоё, — ответила гусыня. — Ты волен отправляться куда хочешь.

Она взмахнула крыльями и полетела на лёд, а вслед за ней полетели все остальные гуси.

Мальчик был огорчён тем, что его путешествие в Лапландию сорвалось. Вдобавок его пугала холодная ночь.

— Час от часу не легче, Мортен, — сказал он. — Не хватает ещё нам замёрзнуть тут на льду.

Но белый гусь не унывал.

— Ничего страшного, — сказал он. — Я только попрошу тебя поскорее набрать как можно больше травы.

После того как мальчик собрал полную охапку травы, гусь схватил его за рубашку, поднял в воздух и полетел с ним на лёд озера, где уже спали, уткнувшись клювами под крыло, дикие гуси.

— Расстели траву на льду, чтобы я мог встать на неё, и тогда я не примёрзну ко льду. Помоги мне, а я помогу тебе, — сказал гусь.

Мальчик так и сделал, и тогда гусь снова ухватил его клювом за рубашку и сунул себе под крыло.

— Тут тебе будет тепло и мягко, — сказал он, прижав крыло.

Мальчик зарылся глубоко в пух и ничего не смог ответить. Но ему и вправду было очень тепло и уютно. А так как он порядком намаялся за день, то через минуту уже спал крепким сном.

Ночь

Правду говорят, что нет на свете ничего ненадёжнее и коварнее льда. Никогда не знаешь, какого подвоха от него ждать. Среди ночи ледяной панцирь на озере Вомбшён вдруг пришёл в движение, и одну льдину прибило впритык к берегу. И надо же было так случиться, что льдина эта попала на глаза лису Смирре. В ту пору он жил в парке Эведсклостер¹, к востоку от озера, и, как обычно, вышел на ночную охоту. Смирре заметил гусей ещё с вечера, но он и помыслить не смел о том, чтобы поймать кого-нибудь из них. Теперь же он, недолго думая, ринулся на лёд.

---

¹ Эведсклостер (*швед.* Övedskloster) — парк и замок в приходе Эвед в Сконе.

Подобравшись к гусям почти вплотную, лис Смирре вдруг поскользнулся, упал и прокатился по льду, царапая его когтями. Гуси проснулись и захлопали крыльями, спеша подняться в воздух. Однако Смирре их опередил. Он сделал молниеносный прыжок, схватил гусыню и помчался с нею к берегу.

Но в эту ночь гуси были не одни. Среди них находился человек, пусть даже и совсем крошечный. Когда белый гусь взмахнул крыльями, мальчик выпал на лёд и проснулся. Некоторое время он сидел, не понимая спросонья, в чём причина переполоха, но затем увидел коротконогую собачонку, которая улепётывала по озеру, зажав в пасти гуся.

Мальчик сразу же бросился за ней вдогонку. Он, правда, слышал, как белый гусь кричит ему:

— Берегись, Вершок! Вернись, Вершок!

Но мальчику казалось, что такой маленькой собачонки ему бояться нечего, и он продолжал бежать не останавливаясь.

Когда гусыня, которую уволок лис Смирре, услышала позади стук деревянных башмачков, она ушам своим не поверила.

«Неужто этот крохотуля надеется отобрать меня у лиса?» — подумала она. И как ни плачевно было положение гусыни, в горле у неё послышалось клокотание, похожее на смех.

«Он может провалиться в первую же трещину», — думала гусыня.

Но, несмотря на ночной мрак, мальчик отчётливо видел все полыньи и трещины на льду и смело перепрыгивал через них. Дело в том, что глаза у него теперь стали зоркие, как у всех гномов, которые отлично видят в темноте. И озеро, и берег видны были ему так же ясно, как среди бела дня.

В том месте, где льдину прибило к суше, Смирре выскочил на берег и стал карабкаться по откосу, не выпуская гуся из пасти. А мальчик кричал ему вдогонку:

— Эй ты, ворюга! Брось гуся сейчас же!

Смирре не знал, кто это кричит, но он не стал оглядываться, а лишь припустил во все лопатки.

Лис бежал по лесу, в котором росли высокие стройные буки, а мальчик, не подозревая об опасности, мчался за ним по пятам.

Он помнил о том, как пренебрежительно обошлись с ним гуси накануне вечером, и хотел показать им, что человек, как бы мал он ни был, всё-таки превосходит все прочие создания на земле.

При этом он не переставая кричал на собачонку, приказывая ей бросить добычу.

— И не стыдно тебе воровать гусей, бессовестный ты пёс! Брось его сейчас же, не то тебе не поздоровится! Брось, говорю, а то хозяину твоему пожалуюсь!

Когда лис Смирре понял, что его принимают за трусливого пса, он до того развеселился, что чуть гуся не уронил.

Лис этот был известный разбойник и душегуб, который не довольствовался какими-то там полевыми мышами, а совершал дерзкие набеги на усадьбы, воруя кур и гусей. Он слыл грозой всей округи. И вот теперь его приняли за собаку. Ну и чудеса!

Мальчик мчался так быстро, что казалось, буковые деревья с испугом шарахаются от него. Он уже стал нагонять лиса Смирре и ухватил его за хвост.

— Ну, теперь ты отдашь мне гуся! — закричал он, вцепившись в лисий хвост мёртвой хваткой.

Но остановить лиса Смирре у него всё же не хватило сил, и лис потащил его за собою, вздымая целые вороха палой листвы.

Смирре наконец понял, что ему нечего бояться своего преследователя. Он остановился, положил гусыню на землю и встал на неё передними лапами, чтобы она не могла улететь.

Он уже готов был перегрызть горло своей жертве, но перед этим ему захотелось поиздеваться над мальчишкой.

— Ну беги, жалуйся моему хозяину, пока я не загрыз гуся! — ухмыляясь, сказал он.

Мальчик буквально оторопел, разглядев, какая острая морда у этого пса, и услышав его хриплый злобный голос. Однако насмешки лиса до того разозлили его, что он даже страха не почувствовал. Упёршись ногами в буковый корень, он что было силы дёрнул лиса за хвост. Смирре от неожиданности попятился, и этого было достаточно, чтобы гусыня оказалась на свободе. Она тяжело взлетела вверх. Лис повредил ей крыло, и она была бессильна помочь мальчику.

В лесу была крошечная темень, и гусыня, как слепая, долго тыкалась в стволы деревьев, пока не заметила просвет в густой еловой кроне. Тогда она наконец выбралась на простор и полетела в сторону озера.

А Смирре накинулся на мальчика.

— Что ж, одну добычу упустил, зато другую получил! — крикнул он дрожащим от ярости голосом.

— Как бы не так! — воскликнул мальчик, страшно довольный тем, что ему всё-таки удалось вызволить гусыню из беды.

Он всё ещё крепко держался за лисий хвост, и, когда Смирре попытался схватить его, хвост мотнулся в сторону, а вместе с ним и мальчик. Они завертелись по лесу, фонтаном вскидывая сухие листья. Смирре вертелся во все стороны, но вместе с ним вертелся и хвост, так что мальчик, который крепко держался за него, был недосягаем для лиса.

Успех ободрил мальчика. Вначале он весело смеялся и дразнил лиса, но Смирре был упрям, как все бывалые охотники, и мальчик начал опасаться, что в конце концов всё-таки попадёт в лапы к лису.

Тут он увидел тоненькое молодое буковое деревце, которое тянулось ввысь под охраной старых развесистых буков. Мальчик быстро выпустил лисий хвост и, с разгону прыгнув на деревце, быстро залез на самый его верх.

Лис Смирре был так увлечён охотой, что долгое время ещё продолжал гоняться за кончиком собственного хвоста.

— Будет тебе плясать! — крикнул ему мальчик.

Смирре не мог примириться с тем, что такой малец перехитрил его. Он улёгся под деревом и стал караулить мальчишку.

Нельзя сказать, чтобы Вершок чувствовал себя слишком уютно, сидя на тонкой и шаткой веточке. Деревце ещё не доросло до высоких крон старых буков, и перелезть с него на другое дерево не было никакой возможности. А спрыгнуть на землю мальчик тоже не решался.

От холода у него свело пальцы, и он чувствовал, что вот-вот выпустит ветку из рук. К тому же ему страшно хотелось спать, и он боялся, что во сне свалится с дерева.

А как жутко было в лесу среди ночи! Раньше он и не подозревал, что такое ночь. Весь мир точно окаменел, и казалось, больше никогда не оживёт.

Наконец забрезжил рассвет. Мальчик был очень этому рад. Всё вокруг постепенно опять становилось привычным и знакомым. Правда, холод теперь чувствовался куда сильнее, чем ночью.

Потом взошло солнце, но оно было не золотое, а багровое. Мальчику казалось, что оно покраснело от гнева, хотя кто его рассердил, он понять не мог.

Скорее всего, оно сердилось на ночь, которая развела на земле такой мрак и холод, пока его не было.

Яркими снопами разбежались во все стороны солнечные лучи, будто желая посмотреть, что натворила ночь, и видно было, как все предметы вокруг покраснели, точно им стало совестно. Облака на небе, гладкие стволы буков, переплетения веток на деревьях, иней на листьях и на земле — всё это вдруг вспыхнуло и зажглось розовым заревом.

Всё больше и больше ярких лучей разбегалось по земле, и скоро они окончательно изгнали из леса ночную жуть. Всё вокруг ожило. Чёрный дятел принялся долбить ствол дерева своим красным клювом. Белочка выскочила из гнезда с орешком, уселась на ветке и стала лущить его. Скворец прилетел с веточкой в клюве. На вершине дерева запел зяблик.

И мальчик понял, что солнце сказало всей этой мелкоте:

— Проснитесь! Выходите из гнёзд! Я здесь, и вам больше нечего бояться!

С озера послышались крики гусей, готовящихся к отлёту. И вскоре над лесом пролетело четырнадцать гусей. Мальчик попробовал окликнуть их, но они летели слишком высоко и его голос до них не доходил. Они, как видно, решили, что лис давным-давно съел Вершка, и даже не пытались его искать.

Мальчику стало так страшно, что он чуть не заплакал. Но солнце, огромное, золотисто-жёлтое, уже поднялось высоко в небе, вселяя бодрость и мужество во всё живое на земле.

— Пока я тут, тебе нечего бояться, Нильс Хольгерссон, — говорило солнце.

Игра с лисом

Понедельник, 21 марта

В первые утренние часы, когда гуси завтракают, в лесу было всё как обычно. Но вот, около полудня, под густой кроной деревьев появился дикий гусь. Он летел меж высоких стволов медленно и неуверенно. Увидев гуся, лис Смирре бросил свой пост под букowym деревом и стал подкрадываться к нему. Но гусь, похоже, и не думал спасаться от лиса, а продолжал медленно лететь над самой его головой. Лис, изловчившись, сделал прыжок, но промахнулся. Гусь беспрепятственно улетел в сторону озера.

Вскоре вслед за этим гусем появился другой. Летел он тем же путём, только ещё ниже и медленнее. Он пролетел почти над головой лиса, и Смирре подпрыгнул вверх так высоко, что кончиками ушей коснулся гусиных лап. Но и этот гусь не попался ему и бесшумно, словно тень, полетел к озеру.

Спустя некоторое время в лесу опять появился дикий гусь. Ещё медленнее и ниже летел он, ещё неувереннее пробирался меж стволами деревьев.

Смирре сделал гигантский прыжок и чуть-чуть не цапнул гуся, но и на сей раз остался ни с чем.

Как только он исчез, появился четвёртый гусь. Хотя этот летел до того медленно и неумело, что Смирре мог поймать его без особого труда, он всё же решил не трогать его, опасаясь новой неудачи. Но гусь, оказавшись над головой Смирре, опустился так низко, что Смирре не устоял перед соблазном и прыгнул вверх. Он даже коснулся гуся лапой, но тот вовремя метнулся в сторону и тем спас свою жизнь.

Не успел Смирре отдышаться, как показались целых три гуся сразу. Они летели в том же направлении, и Смирре прыгал за каждым из них, однако так никого и не поймал.

Вслед за этим появилась пятёрка гусей. Они летели чуть побыстрее предыдущих, и, хотя тоже как бы приглашали лиса поохотиться за ними, он не поддался на приманку.

Спустя долгое время в лесу снова показался одинокий гусь. Тринадцатый. Это была гусыня, до того старая, что оперение её

совсем посерело и на нём не осталось ни единой тёмной полосы. У неё, по всей видимости, было повреждено крыло, потому что летела она с большим трудом, чуть ли не касаясь земли. Смирре не только прыгал на неё, он бежал за нею вдогонку почти до самого озера, но и на этот раз остался ни с чем.

Потом появился четырнадцатый гусь. Это был белоснежный красавец. При его появлении в сумеречном лесу сразу как будто посветлело.

Увидев этого гуся, Смирре собрал все свои силы и подпрыгнул чуть ли не до верхушек деревьев. Но и белый гусь, так же как и другие, остался цел и невредим.

И вот наконец под буками всё замерло. Должно быть, пролетела уже вся стая.

И тут только Смирре, вспомнив про своего пленника, метнулся к дереву. Так и есть, мальчишки и след простыл.

Но лису некогда было думать о нём, потому что теперь появился гусь уже со стороны озера. Он тоже летел низко над кронами деревьев. Несмотря на все неудачи, Смирре очень ему обрадовался и огромными прыжками кинулся за ним следом. Но в спешке он не рассчитал прыжок и прыгнул мимо гуся.

После этого гуся появились второй, и третий, и четвёртый, и пятый, и весь ряд замыкался старой серой гусыней и большим белым гусем. Все они летели медленно и низко. Очутившись над головой Смирре, они опускались ещё ниже, точно приглашая лиса схватить их. И Смирре преследовал их, делая огромные прыжки. Но хотя они были всего в нескольких вершках от него, он не мог схватить ни одного из них.

Это был самый кошмарный день в жизни Смирре. Дикие гуси не переставая кружили над его головой. Они то улетали, то возвращались опять. Крупные, жирные гуси, отъевшиеся за морем на полях и вересковых пустошах, весь день летали по лесу так близко от него, что он почти касался их лапами, но не мог полакомиться ни одним из них.

Минувшая зима ещё не изгладилась из памяти лиса Смирре. Он помнил, как по целым дням шнырял по лесу, не находя никакой дичи. Перелётных птиц ещё не было, полевые мыши сидели

в своих норах под скованной морозом землёй, а домашние гуси и куры были надёжно заперты в птичниках. Но лису казалось, что горше самых страшных мук голода, которые ему довелось испытать в те дни, была для него сегодняшняя неудачная охота за гусями.

Смирре был уже старый лис и всякое повидал на своём веку. Охотничьи псы гнались за ним, охотничьи пули порой свистели у самого его уха. Не раз лежал он, забившись в какую-нибудь нору, в то время как собаки рыскали совсем рядом и в любую минуту могли напасть на его след. Но страх, пережитый им в эти минуты, был ничто по сравнению с той горечью, какую он испытывал всякий раз, когда очередной гусь ускользал из его лап.

Утром, до того как началась эта игра, Смирре выглядел так великолепно, что гуси только диву давались, глядя на него. Старый лис всегда слыл большим щёголем. У него были густой пушистый мех с рыжевато-красным отливом, белая грудка, чёрный нос и пышный, веером, хвост.

Однако к концу дня шкура на нём взмокла от пота и висела ключьями, глаза потускнели, язык высунулся из задыхающейся пасти, а морда была вся в пене.

Видно было, что Смирре вконец изнемог. Голова у него пошла кругом, и ему всюду стали мерещиться летящие гуси. Он прыгал на солнечные зайчики в траве и на беднягу бабочку, имевшую неосторожность вылупиться из кокона раньше времени.

А гуси всё продолжали летать над ним. Так изводили они его весь день. Смирре был затравлен и доведён почти до умопомрачения. Это, впрочем, нисколько не разжалобило гусей. Они неумолимо кружили над ним, хотя ясно было, что он уже почти ничего не видит и готов гоняться за собственной тенью.

Лишь после того как Смирре, вконец обессиленный, повалился на грудку сухих листьев, гуси прекратили свою жестокую игру.

— Теперь ты знаешь, лис, что ждёт того, кто вздумает покушаться на Акку из Кебнекайсе! — прокричали они ему в самое ухо и оставили его наконец в покое.